

Н.Д. Голев

Лингвоперсонологическая вариативность языка

Предлагаемая для научного обсуждения **гипотеза** формулируется нами в самом общем виде следующим образом: принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка коррелятивны между собой, и поэтому есть основания говорить об их относительном изоморфизме. Такая корреляция восходит к генетической взаимодействии языка и социальной психологии. Говоря в настоящей статье о персонологическом пространстве, мы имеем в виду прежде всего тот его аспект, который создается разнообразием ментально-языковых типов личностей (как носителей языковой способности определенных качественных типов) и тем непрерывным спектром, который это разнообразие формирует. Мы полагаем, таким образом, что таковое разнообразие типов языковых личностей (способностей) порождает различные коммуникативные потребности и различие внутренней интенциональности и соответственно – различие механизмов ее реализации; все это не позволяет свести язык и речь к единым и универсальным для всех интенциональным структурам и речемыслительным механизмам. Разумеется, центробежным тенденциям в очерченной корреляции психосоциального пространства языкового коллектива и имманентного языкового пространства противостоит тенденция с противоположной направленностью, а именно – тенденция к единообразию и инвариантности; по этой линии логическое разворачивание высказанной гипотезы неизбежно приводит к таким инвариантам, как национальная языковая личность или личность как носитель языка вообще.

Данная гипотеза предполагает для ее развития в аспекте «язык / речь» введение таких понятий, как «**лингвоперсонология**» («лингвистическая персонология»¹), «**лингвоперсонологическое функционирование языка**» и в связи с этим – его «**лингвоперсонологическое варьирование**» (имеется в виду функционирование языка в пространстве качественного разнообразия

языковых способностей и вариативность результатов такого функционирования) и «**антропотекст**» как речевое произведение, рассматриваемое в антропологическом аспекте. Антропотекст в узком смысле, принимаемом в нашем исследовании, есть отражение в тексте особого качества языковой способности его автора или адресата. Вариативность антропотекстов есть отражение разнообразия языковых личностей и типов языковой способности, наличием которых они характеризуются.

К примеру, общий ответ на вопрос, почему по одному тексту дети пишут разные изложения, а по одной картине – разные сочинения, достаточно прост: вариативность изложений и сочинений зависит от разнообразия природного качества языковой способности детей, а еще глубже – от разнообразия ментальных структур разных типов личности. Именно оно определяет разное видение исходного текста или картины, отбор тем (выделяемых фрагментов языкового воплощения), модусов воплощения и других глубинных параметров текстопорождения. При этом очевидно, что «природная вариативность» усиливается разнообразием условий окультуривания того, что дано природой. Но несомненно, этот общий ответ-гипотеза нуждается в серьезной конкретно-исследовательской проработке. Отметим в этой связи еще раз, что у речевой и текстовой вариативности есть тенденция к бесконечной дифференциации вплоть до индивидуальной, но столь же несомненна и тенденция к ее ограничению, проявляющаяся прежде всего в типизируемости вариантов и стремлении к названным выше инвариантам, в том числе национальному, о чем сейчас написано немало работ (см., например: [2–5] и др.). Можно априори предположить, что описание такой вариативности не может быть простым, одномерным.

Рассмотрим некоторые аспектуально-исследовательские варианты гипотезы о коррелятивности параметрического устройства ментально-антропологического и системно-языкового пространства языка/речи. Первый и, на

¹ Термин «лингвистическая персонология» в близком нам смысле впервые употребляет В.П. Нерознак [1].

наш взгляд, главный вариант гипотезы предполагает возможность лингвоперсонологической интерпретации разнообразия свойств языка (вплоть до антиномических); отсюда возможность представлять языковую систему как «антропосистему». В рамках этого варианта гипотезы осуществляется исследовательское движение от вариативности текста и неоднородности качеств языковой системы к вариативности языковых личностей, в языковой способности которых эти качества наиболее полно проявляются. Такова, например, типология вариантов текста, которая трактуется как типология языковых личностей, его порождающих или интерпретирующих. Например, В.П. Белянин [2] выделяет различные типы текстов («красивые», «веселые», «печальные» и т.п.) и соотносит их с психологическими типами личностей определенного склада, что позволяет ему рассматривать квалификацию в этом ключе текстов как психодиагностику. Заметим в связи с этим, что в прикладном (лингво-юридическом) аспекте здесь предполагается возможность идентификации типа личности (или индивидуума) по тексту.

Применительно к языковой системе в генетическом аспекте данный вариант гипотезы может быть представлен следующей формулой: **язык устроен так, а не иначе еще и потому, что он обслуживает разные типы языковой личности** (носителя разных вариантов языковой способности) и по этой причине имеет на своих полюсах разные качества и свойства. Некоторые из таких качеств и свойств обретают характер противоположностей и антиномического противостояния, во многом определяющих структуру, функционирование и развитие систем и подсистем языка. Иными словами, в языке как системно-структурном образовании происходит своеобразная **языковая онтология** различий психо-, социо-коммуникативных типов личности. Таким образом, многие языковые оппозиции и антиномии, определяющие устройство языка, имеют среди прочих и лингвоперсонологическое объяснение. В сущности, мы наблюдаем здесь синергетическое проявление диалектики: раздвоение единого на части и приобретение частями относительной самостоятельности; иными словами, если имманентные противоречия языка есть источник его развития, то энергетическая «подпитка» саморазвития языка извне осуществляется в

антропосфере через импульсы, задаваемые разнообразием интенциональностей, восходящим к разнообразию ментальных типов личности.

Второй – аспектуально-исследовательский – вариант гипотезы реализуется в противоположном направлении от психолого-коммуникативной личности к личности языковой (как носителю типового варианта языковой способности) и далее к языку²; т.е. **типы личности находятся в части «дано»** и требуется доказать, что они ко всему прочему различаются и в плане языка/речи. Предшествующая модель, напротив, предполагает движение от языка к языковой личности и далее к коммуникативно-психологической личности вообще; последнее предполагает поиск персонологической верификации языковых и речевых оппозиций. В настоящий момент в работах по типологии личности речевой материал нередко используется, но при этом чаще всего актуализируется его психологическое содержание; так происходит, например, в лингвосоционике – при речевой диагностике социальных типов (см., например: [4–5;7]). Иными словами, предметом таких исследований более является психосоциальная личность и ее типы, а не языковая личность как таковая и ее типы.

Третий вариант гипотезы близок первому по своей лингвистической направленности, но противостоит ему по другому признаку, связанному с детерминацией единства языкового и ментально-персонологического пространств. Здесь уже речь идет не том, что язык устроен так, а не иначе, потому что таковы языковые личности; напротив, в данном варианте мы говорим, что языковая способность носителей языка такова (становится таковой) потому, что язык навязывает им способность именно такого качества. На этом фоне взаимной детерминации языка как системно-структурного образования и лингвоперсонологической системы возникает сложная проблема детерминант национальной языковой личности и ее структуры в плане соотношения инварианта и вариантов.

Рассмотрим несколько проявлений антиномического «устройства» языковой системы, коррелирующего с разнообразием качеств языковой способности.

1. Принципы русской орфографии: отражательный (морфематический, фонематический, фонемный, дифференциально-семантический) и условно-традиционный – представляют собой

² По этому принципу построено, например, диссертационное исследование Л.М. Комиссаровой, в котором в части «дано» используются «готовые», уже разработанные в соционике типы языковой личности, а в части «требуется доказать» осуществляются их языковые характеристики по определенным параметрам текста [6].

фундаментальные компоненты, образующие внутреннюю систему русской орфографии. Орфографические принципы **генетически** детерминированы языковым материалом, поскольку в период формирования данной системы и ее представления в кодификации и орфографических правилах они обобщили уже имеющиеся написания, в которых проявились разные типы языковой способности. Важнейших из них два. Один из них ориентирован на мотивированное «решение» орфограмм, другой – не мотивированное. Это означает, что языковые личности одного типа предпочитают всякий раз «производить» написание, ориентируясь на лингвокреативный компонент языковой способности, другие – воспроизводить уже написанное, ориентируясь на языковую память. Для одних – правильно – логически объясняемое, для других – правильно, потому что – так принято. С точки зрения нейропсихологии, эти типы языковой способности детерминирует функциональное различие левого и правого полушария коры головного мозга, определяющее разную степень и **качество** ориентированности языковой личности на ту или иную функцию. С точки зрения языковой системы, за этими различиями стоит известная оппозиция системы и нормы, о которой писал Э. Косериу [8, с. 236–237]. Думается, что и внутри отражательного гиперпринципа оппозиция фонетического, фонематического, морфематического и семантикодифференцирующего принципов может быть описана в лингвоперсонологическом аспекте. Если переводить данную оппозицию в **синхронно-функциональный** план, то и здесь очевидна связь с типологией языковой способности: разные носители языка характеризуются разным орфографическим поведением: одни из них ориентируются на звуковое письмо, другие опираются на морфемное членение слова, третьи фиксируют звуковой облик слова, приближаясь в этом смысле к иероглифическому письму.

2. В материалах эксперимента³ с предположительно надежными словоформами *на Украине* и *в Украине*, направленного на определение степени и качества их нормативности в современном русском языке, отразилось различие типов языковой личности. Опрос показывает, что обстоя-

тельство вхождения словосочетания *в Украине* в парадигматический ряд *в Германии, во Франции, в Грузии* и так далее не остается незамеченным рядом реципиентов, которые указывают (разумеется, в разной степени осознанно) на эту парадигму и отмечают свою реакцию на нее, другие реципиенты ориентируются на устойчивость (закрепленность) синтагмы и говорят о ее привычности для слуха и подобном, нередко отмечая, что не нуждаются в мотивировании выбора. Таким образом, эксперимент показывает взаимодействие двух внутриязыковых антиномий, определяющих становление, функционирование и развитие нормы, с одной стороны, антиномии системы и узуса, а с другой стороны, парадигматики и синтагматики, и эти антиномии получают также и лингвоперсонологическую характеристику.

3. Несколько иные факторы развития системы норм иллюстрируют материалы статьи С.А. Арутюнова «Народные механизмы языковой традиции», в которой раскрывается оппозиция типов языковой личности в традиционных коллективах. Одних из них автор называет центрами, других – маргиналами; первые (обычно это мужчины) тяготеют к установкам языкового пуризма, хранителя и передатчика речевых традиций; вторые (чаще женщины) «склонны заимствованию речевых инноваций», «родной язык их небогат, но в высокой степени подвержен идиолектным вариациям вплоть до значительных искажений» [9, с. 7]⁴. Это может означать, что такие стороны ортологической системы, как статика и динамика, коррелируют с оппозицией типов языковых личностей. Разумеется, однако, что в данном случае социальный фактор языковой личности проявляется больше, чем фактор ее языковой (природной) способности.

4. Подобным образом лингвоперсонологическую характеристику могут получить и другие языковые оппозиции. К примеру, оппозиция «языка-знака» и «языка-внушения»⁵ явно коррелирует с противопоставлением «мыслительного» и «художественного» типов личности. Думается, что здесь уместно отметить и возможность профессиональной трактовки этой оппозиции – противопоставления «гуманитарной» и «технической» («естественно-научной») личности;

³ Мы воспользовались результатами эксперимента доцента АлтГУ А.В. Морозова с его любезного согласия.

⁴ По-видимому, есть основания связать эту оппозицию языковых личностей с оппозицией личностей на шкале пассионарности, ср., например: Богданов Я.В. Типология личностей Л.Н. Гумилёва с позиций учения об акцентуациях (<http://www.kulichki.com/~gumilev/debate/Article33.htm>).

⁵ Сталкиваются две противоположные тенденции: одна из них, упрощая язык, движет его по направлению к «языку-знаку», другая, обращая внимание на способ выражения мыслей и чувств людей в современном обществе, тем самым влечет людей по направлению к «языку-внушению» [10, с. 59].

драматизм их столкновения по поводу отношения к языку и тексту глубоко и ярко отразил Г.Д. Гачев в своей «Книге удивлений» [11].

5. Другой аспект противостояния лево- и правополушарных тенденций в сфере языковой ментальности отражает отношение к внутренней форме имен, которое мы в одной из статей [12] определили как мотивационное доверие (незамечание и рукотворности имени и соответственно – условности внутренней формы, вера в ее «правильность», отождествление с актуальной семантикой имени и т.п. – «как корабль назовешь, так он и плавать будет») и мотивационный скепсис, вытекающий из актуализированных представлений о произвольности языкового знака («называй хоть горшком – только в печку не ставь»). Наши наблюдения в области функциональной мотивологии показывают, что носители русского языка достаточно контрастно противопоставлены по признаку доверчивости к форме имени: одни из них склонны к вере в ее значимость, детерминированность прошлым, настоящим и будущим вплоть до ее (значимости) сакрализации, способности определять судьбу; другие не видят в имени в этом плане ничего особенного, и их интерес к внутренней форме сугубо познавательный. Нельзя не обратить внимания на то, что по данной линии противостоят и формы метаязыкового сознания, носителем которого являются ученые. Достаточно вспомнить спор античных философов о происхождении имени: по природе или по установлению. Кажется, однако, что сакрализованное (идеалистическое, фидеистическое) отношение к имени, вытесненное в советское время, в настоящий период «наверстывает» упущенное. И речь не только о рядовых носителях языка, среди которых весьма популярны книги типа «Тайны имени», «Имя и судьба», но и среди современных исследователей языка и литературы.

6. Пересекающаяся ось «прямая коммуникация ~ непрямая коммуникация», существенным образом соотносится с типологией личностей по признаку манипулируемости (человек-манипулятор ~ человек-актуализатор) [13]. Эта оппозиция данных типов личности как языковой личности актуализировалась в нашем исследовании художественных текстов В.М. Шукшина [14]. Феномен непонимания персонажей в большом числе рассказах этого писателя во многом объясняется тем, что они говорят на «разных языках»: «**манипулятивным**» (для манипуляторов характерны: «...ложь (фальшивость, мошенничество). Используют приемы, методы, маневры. «Ломают комедию»,

разыгрывают роли. Всеми силами стремятся произвести впечатление») и «**прямым**» («честность (прозрачность), аутентичность), способны быть честными в любых чувствах, какими бы они ни были. Их характеризует чистосердечность, выразительность» [13]). В извечном жизненном споре этих типов-антиподов манипуляторы не всегда хозяева жизни.

7. В лингвоперсоналогическом аспекте может быть описана и отмеченная выше оппозиция Ф. де Соссюра: «склонность языка к конструированию лексических единиц ~ склонность языка к употреблению готовых лексических единиц» [15, с. 165–166]. За ней стоит оппозиция двух типов личности: «порождающей» и «аналитической» (с более активным участием левого полушария коры головного мозга) и «воспроизводящей» и склонной к целостному порождению и восприятию любого объекта, в том числе слова (с более активным участием правого полушария), носителей более сильного логического и более сильного образного мышления. Энергетика конструирования рождает тенденцию к мотивированности, и ее результат на уровне языкового материала – мотивированные слова. Отношение к слову как целостности – источник процессов демотивации.

8. Противопоставление левополушарной и правополушарной грамматик, осуществленное Л.В. Сахарным, несомненно, лежит в этой же плоскости. Автор в известной статье «Человек и текст: две грамматики» [16] разделил два типа грамматик: «тонкую» (центробежную) и «грубую» (центростремительную). В сущности, речь идет о двух «участках» грамматической системы, управляющих разными уровнями и планами организации текста. Эти участки локализованы в двух полушариях головного мозга: левом и правом. Можно предположить разную активность и разное качество их использования различными психоязыковыми типами носителей языка и соответственно изыскивать проявления этих различий в текстах, порожденных ими. За жесткую алгоритмическую организацию сообщения «отвечает» левое полушарие, за обобщенное тема-рематическое членение – левое, за различие фонем – левое полушарие, за интонацию – правое. Интонационное видение, конечно, приближено к целостному восприятию высказывания, оно, по-видимому, зарождается на этапе, на котором только намечена стратегия сообщения [16]; ср.: «Порождающий процесс начинается с определения темы и стратегии сообщения» [17, с. 121].

Таким образом, нетрудно убедиться, что предложенная гипотеза устройства и функциони-

вания языка верифицирована лишь на начальном этапе – на уровне примеров, количественных наблюдений за отдельными параметрами оппозиций языковых личностей и их индивидуальных интерпретаций. Пока метафорическое и интуитивное в подходе к этой проблеме доминирует. Нет сомнения в том, что более надежная верификация, которая позволила

бы гипотезе стать научным фактом, может быть только конкретно-исследовательской. Это возможно в том случае, если она будет осуществляться на достаточно большом материале, позволяющем получить статистические корреляции, соотносимые с теми или иными теоретическими концепциями. Данная статья – отдаленный подступ к одной из них.

Литература

1. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология : к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. трудов. – М., 1996.
2. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. – М., 2000.
3. Ким И.Е. Русский этнографический тип // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Т.И. Стексовой. – Новосибирск, 1999.
4. Лытов Д.А. Универсальность соционических категорий // Соционика, ментология и психология личности. – 2001. – №5.
5. Прохорова А.В. Межполушарная асимметрия головного мозга как нейропсихологическая база теории информационного метаболизма. Ч. 2: Речетворческий аспект межполушарной асимметрии // Соционика, ментология и психология личности. – 1995. – №3.
6. Комиссарова Л.М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака) : дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002.
7. Румянцева Т.А. На пути к взаимопониманию: Отношения в зеркале соционики. – М., 2002.
8. Косериу Э. Синхрония, диахрония, история // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М., 1963.
9. Арутюнов С.А. Народные механизмы языковой традиции // Язык. Культура. Этнос. – М., 1994.
10. Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. – М., 1978.
11. Гачев Г.Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. – М., 1991.
12. Голев Н.Д. Тексты рассказов В.М. Шукшина как воплощение энергии конфликта (опыт типологии антропотекстов и языковых личностей) // Сибирский филологический журнал. – 2004 (сдано в печать).
13. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор // Психология и психоанализ характера : хрестоматия по психологии и типологии характеров. – М., 2000.
14. Голев Н.Д. Внутренняя форма, внутренние конфликты, внутренняя речь в текстах рассказов В.М. Шукшина // Провинциальная экзистенция. К 70-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина. – Барнаул, 1999.
15. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
16. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики // Человек. Текст. культура. Екатеринбург, 1994.
17. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1973.